

ДЖОАН
ДИДИОН
ЗАПИСИ
ДЛЯ
ДЖОНА

JOAN
DIDION
NOTES
TO
JOHN

ДЖОАН
ДИДИОН
ЗАПИСИ
ДЛЯ
ДЖОНА

*Перевод с английского
Любови Сумм*

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-94(73)

ББК 004.8

Д44

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Дидион, Джоан.

Д44 Записи для Джона / ДЖОАН ДИДИОН; пер. с англ. Л. Сумм. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-17-177754-8

В ноябре 1999 года Джоан Дидион стала посещать психиатра, потому что, как писала она подруге, для ее семьи “последние несколько лет были тяжкими”. Она вела дневник для своего мужа Джона Грегори Данна, где подробно описывала беседы с врачом. Речь шла о депрессии, тревоге, чувстве вины и о сложнейших отношениях с дочерью, Кинтаной. Кроме того, у Дидион все чаще случались затяжные периоды, когда она не могла работать. Обсуждалось и ее детство — непонимание, отсутствие контакта с матерью и отцом, рано возникшее ощущение надвигающихся катастроф. Эти записи — удивительно честный отчет, и мы видим те стороны Дидион, которые не были никому известны, но перед нами, безусловно, она — мучающая себя вопросами, но решительно отпавившаяся в столь болезненное для себя путешествие.

УДК 821.111-94(73)

ББК 004.8

ISBN 978-5-17-177754-8

- © Didion Dunne Literary Trust, 2025
- © Annie Leibovitz, фото на обложке
- © Л. Сумм, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
Издательство CORPUS ®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вскоре после смерти Джоан Дидион в 2021 году в небольшой папке возле ее стола было найдено около 150 пронумерованных страниц. В этой папке она держала разные бумаги (записи консьержа в ночь 2003 года, когда умер ее муж, Джон Грегори Данн; экземпляр своей речи на свадьбе ее дочери Кинтаны; подтверждение брони отеля “Бристоль” в Париже; списки рождественских гостей; компьютерные пароли). Большинство страниц складываются в своего рода дневник, в котором Дидион отчитывается о встречах с психиатром; почти все они относятся к 2000 году. Эти записи адресованы Джону — “ты” в этой рукописи.

Эти 150 страниц сохранились, по-видимому, в единственном экземпляре, ныне хранящемся в архиве Дидион/Данн в Публичной библиотеке Нью-Йорка. Архив передали библиотеке наследники Дидион, дети ее покойного брата. Доступ неограничен.

Психиатра, Роджера Маккиннона, Дидион начала посещать 15 ноября 1999 года. После шести встреч с ним она начала делать записи для Джона. Дневник обрывается примерно через год после начала терапии. В него включена и запись о единственной сессии, в которой участвовал Джон, 7 июня 2000 года, поэтому напрашивается вывод, что цель этого дневника не сводилась к тому, чтобы держать Джона в курсе. Ведь его не требовалось инфор-

мировать о том, что обсуждалось в тот день, когда он сам присутствовал.

Часть материала из этого дневника была использована в “Синих ночах”, последней написанной Дидион книге, размышлении о жизни ее дочери. К Маккиннону Дидион обратилась, когда Кинтана сказала своему психиатру, что мать в депрессии и ей нужно с кем-то поговорить. Этот психиатр считал отношения матери и дочери основным источником проблем Кинтаны — проблем, с которыми он не слишком успешно справлялся — и потому призвал на помощь Маккиннона. От сессии к сессии Маккиннон побуждал Дидион к размышлениям о ее собственных отношениях с родителями, с чувством вины, удочерением, алкоголизмом, о своих страхах и неуверенностях и о связи между ее личной жизнью и работой.

В компьютере Дидион сохранилось письмо старому другу в Калифорнии от марта 2001 года, в котором она описывает последние “трудные несколько лет” с Кинтаной. “Даже я ходила к психиатру, — пишет она, — что стало необычным опытом для меня и помогло мне стать намного более открытой, чем, как мне представляется, я была когда-либо ранее”.

ЗАПИСИ ДЛЯ ДЖОНА

29 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА

По поводу отказа от приема золофта я сказала, что примерно час после приема ощущаю себя так, словно утратила организующий принцип, примерно как после “плантаторского пунша” перед обедом в тропиках. Я сказала, что пыталась отделаться от этой мысли, поскольку разумом сознаю, что такого не может быть, ведь согласно “Настольному справочнику врача” даже вдвое большая доза не может вызвать подобного эффекта в первые несколько часов, а пиковый эффект наступает после 3–5 дней постоянного приема. Я осознала, что у меня имеется очень точно откалиброванное представление о собственном хорошем состоянии, я очень боюсь утратить контроль, моя личность организована вокруг определенного уровня мобилизованности или тревоги.

Далее я сказала, что пыталась продумать ту тревогу, о которой говорила на нашей последней встрече. Я сказала, что хотя я связывала ее с работой (встреча в Лос-Анджелесе и т. д.), обсуждая это с тобой, я поняла, что тревога была сосредоточена на Кинтане.

— Разумеется, так и было, — ответил он.

Затем мы поговорили о моих тревогах насчет Кинтаны. В основном о том, что ее депрессия может дойти до опасной черты. Постоянно настороже, звонки посреди ночи, попытки измерить ее эмоциональную температуру при каждом телефонном разговоре. Я сказала, что в каком-то смысле это кажется оправданным, а в других — нечестным по отношению к ней, потому что она чувствует нашу тревожность, как мы чувствуем ее.

— Полагаю, она особенно остро ощущает вашу тревожность, — сказал он.

Я ответила: очевидно, так и есть. Она говорила об этом не только нам, она упоминала это и доктору Кассу. Хотела, чтобы именно я обратилась к психиатру, а не ты. Он сказал, что, по его предположениям, она считывает тревожность нас обоих, но что-то в отношениях между ней и мной побуждает ее чувствовать мою тревожность более остро, побуждает подключаться к ней.

— Люди с определенными невротическими паттернами подключаются друг к другу, у людей со здоровыми паттернами подобного не происходит. Между вами и ею несомненно существует очень сильная взаимозависимость.

Он хотел знать, сколько было Кинтане лет, когда она оказалась у нас, расспрашивал, как проходило удочерение¹. Мы достаточно подробно поговорили об этом, и я сказала, что всегда боялась ее потерять. Когда наблюдали за китами. Гипотетическая гремучая змея в плюше на авеню Франклина. Он сказал, как все приемные дети испытывают глубокий страх, что их отдадут обратно, так и все приемные родители испытывают глубокий страх, что ребенка у них отнимут. Если не разобраться с этими страхами в ту пору, когда они к тебе приходят, то ты их искажаешь и одержимо фиксируешься на тех опасностях, которые можешь контролировать — на змее в саду, — лишь бы не на той опасности, которую ты контролировать не можешь.

— Очевидно, тогда вы не разобрались с этим страхом. Вы отодвинули его в сторону. Это ваш паттерн. Вы идете вперед, вы прорываетесь, вы контролируете

1 Кинтана была удочерена в 1966 году, сразу после рождения.

ситуацию благодаря своей работе и своей компетентности. Но страх никуда не делся, и когда этим летом вы обнаружили, что ваша дочь в опасности и вы не можете ничего контролировать или изменить, страх прорвался через ваши защитные барьеры.

Я сказала, что, возможно, слишком ее опекала, но никогда не думала, что она так меня воспринимает. На самом деле она однажды описала меня как “слегка отстраненную” мать.

Доктор Маккиннон:

— Вы не думаете, что она воспринимала вашу отстраненность как самозащиту? Когда она сама прибегает к отстраненности ради самозащиты? Разве вы только что не говорили мне об этом? Она никогда не оглядывается назад?

С этого момента мы говорили о Кинтане и Стивене¹, Кинтане и Доминик². Он спросил меня, буду ли я против, если он обсудит некоторые моменты, возникавшие в наших беседах, с доктором Кассом, поскольку ему представлялось, что они пригодятся и в беседах доктора Касса с Кинтаной. Я сказала, я согласна, чтобы он обсуждал все, что сочтет полезным.

Вернувшись к вопросу о том, почему моя тревожность больше беспокоит Кинтану, чем твоя:

— В вас есть нечто — и это возникло задолго до ее рождения, — что побуждает вас думать, будто вы не за-

1 Стивен Дани, младший брат Джона Грегори Данина, покончил с собой в 1980 году, в возрасте 43 лет.

2 Доминик Дани, племянница Джона, была убита бывшим бойфрендом в 1982 г. Доминик и Кинтана очень дружили.

служиваете ничего хорошего. Я уверен, что вы считали огромным везением, что вы удочерили Кинтану, и я также уверен, что вы считали себя недостойной этого, считали, что в каком-то смысле вы заслуживаете того, чтобы ее потерять. Это ненормальный паттерн мышления, и именно из-за него ваша вполне естественная в данной ситуации тревожность оказывается настолько острее, чем у вашего супруга. Она выходит за собственные пределы, она связана с чем-то другим. По какой-то причине вы росли, ожидая худшего. Вы не рассчитывали, что случится что-то хорошее. Каким-то образом вы росли без гена, отвечающего за отказ.

5 ЯНВАРЯ 2000 ГОДА

Доктор Маккиннон сказал, что не знал о моем знакомстве с Хилари Калифаро¹ и надеется, что меня не огорчила встреча с ней. Я ответила: огорчить не огорчила, но возник вопрос, что здесь делают две более чем взрослые женщины — две женщины, которые живут в этом мире и имеют какие-никакие системы защиты.

— Большую часть времени имеют, — сказал он, — но порой в жизни происходят такие события, которые прорываются через самые прочно сконструированные системы защиты.

Я сказала, это возвращает нас к тому, что он говорил на прошлой неделе и что заинтересовало меня: я с самого начала использовала работу и компетентность как защиту от страха потерять Кинтану. Я сказала, мне приходило в голову, что мои тревоги насчет работы и денег — которые становились особенно выраженными по мере того, как лето переходило в осень, — в какой-то мере... (тут я прервалась).

— Симптом, — сказал он. — Совершенно определенно.

Но не только симптом, сказала я. Отчасти эта тревога основана на реальных вещах.

— Разумеется. Мир меняется. Становятся значимыми другие ценности.

Вот именно. Однако мир всегда менялся, и я с этим всегда справлялась. Но в это лето, возможно, впервые в жизни,

1 Хилари Калифано (1939–2022) — жена политика Джозефа Халифано (пик карьеры — министр здравоохранения в 1970-х годах).

я начала чувствовать, что могу и не справиться. Я думала, дело в моем возрасте. И отчасти так оно и есть. И все же эта тревога была слишком уж сильной. Что касается денег, у нас есть новый фильм, есть и возможности помимо этого. И что касается другой моей работы, единственная реальная проблема заключалась только в том, как найти для нее время. Но я была в ужасе.

— Так проявляется депрессия.

Которая проистекает из ситуации с Кинтаной этим летом.

— Точно.

Я сказала, что в этом отношении выходные у нас получились тревожные. С виду у Кинтаны все было в порядке, приехала ее близкая, понимающая ситуацию, подруга, мы даже шутили, когда мне пришлось ехать в больницу в связи с инфекцией глаз, что мы проводим все праздники в приемном покое и наконец-то не из-за нее. А потом в воскресенье, около 12.30, раздался телефонный звонок. Я рассказала ему, как мы поехали к ней на квартиру.

— И что, по ее словам, произошло? — спросил он.

Я рассказала. Он спросил, обратилась ли она в полицию. Я сказала, что нет. Ты спросил, где ее участок, и она ответила, что не знает. Я сказала, мы оба старались не задавать ей лишних вопросов: она казалась слишком потрясенной, чтобы выдержать то, что могло быть воспринято как допрос.

— Вы не хотели показаться обвинителями, — сказал он.

Именно так, сказала я. Мы не были уверены, но нам обоим показалось, что она пила. Учужали ли мы запах алкоголя, спросил он. Я ответила, что вроде бы нет, но окна были открыты. Трудно было определить: она повторилась, но речь звучала не смазано.

— Есть ли у вас альтернативный сценарий? — спросил он.

Я сказала, если бы мне пришлось продумывать альтернативный сценарий — а я это сделала, чтобы понять противоречия той ситуации, — то вышло бы, что она рано рассталась с друзьями, пошла в бар и встретила кого-то, кто в итоге ударил ее, либо в баре, либо на улице, либо у нее в квартире.

— Где была кровь? — спросил он.

Я сказала, что на полу, между изножьем ее кровати и ванной.

— То есть не у входа в квартиру, — сказал он.

Я понимала, к чему он клонит.

Затем я сказала, что один из моментов, который тревожит и тебя, и меня в связи с АА¹ — не с АА как идеей, но с АА в его наиболее жестком варианте, — это то, что подобного рода драматический провал как бы встроен в систему. Все или ничего. Тебе хочется выпить, ты сдаешься, и последствиями будет не просто похмелье и вина за то и за се, как в реальной жизни, — нет, ты очнешься в канаве или снимешь в баре незнакомца, который тебя избьет.

1 Анонимные алкоголики.